

ТЕРАПИЯ «АЛЕКСЕЙЧИКОМ» (ЗАМЕТКИ НАБЛЮДАТЕЛЯ)

М.В.РОЗИН*

Группа Алексейчика известна среди психологов примерно так же, как может быть известно скандальное шоу, которое каждый уважающий себя человек считает своим долгом обругать и которое в то же время стыдно не увидеть. Если выделить центральную идею всех откликов, то Алексейчик окажется садистом и фашистом, которому доставляет удовольствие издеваться над умными московскими психологами. Из этого обстоятельства выводится и потенциальная ценность группы для участников: Виктору Франклу повезло – он побывал в настоящем концлагере и познал смысл жизни; нам (невезучим) остается психотерапия доктора Алексейчика.

В декабре 1991 года я оказался участником группы Алексейчика. Не могу сказать, что она меня потрясла, но по крайней мере я не пожалел свои 225 рублей и потраченные дни. Зрелище стоило и того времени и этих денег. Своими наблюдениями я и хочу поделиться с читателем, описав один из возможных вариантов понимания происходящего.

Оттолкнемся от «общественного мнения». Была ли группа садистской? С формальной точки зрения – да. В ней были все элементы, которые принято считать садистскими: дважды Алексейчик начинал ломать пальцы (надеюсь, все понимают, что не сломал); несколько раз людей заставляли стоять лицом к стенке; Алексейчик позволял себе высказывания типа «идиоты, имбецилы, недоноски»... На этом садизм кончается. Да и работал Алексейчик по большей части с людьми глубоко невротичными, для которых вся жизнь – ад, остальные воспринимали его поведение с некоторым удивлением вначале и с особым эстетическим чувством, сходным с наслаждением от чтения Хармса, – ближе к концу.

Таким образом, садизм отнюдь не главное в том, что было показано. Что же главное? В чем основной эффект алексейчиковской группы? Мне представляется, что этот эффект может быть обозначен как *лечение*

* Розин Марк Вадимович – ст. науч. сотр. Психологического института РАО, руководитель программы СП «Экопси».

невроза путем шизофренической инъекции. Еще одна возможная ассоциация: дзен-буддистский коан и просветление.

Сначала расшифруем первую метафору. Суть невроза – в заикленности на некоторых идеях, образах (сгустках личностного смысла), которые определяют умонастроение и поведение человека. Эти сгустки, как правило, выражены в нескольких значимых для человека словах, например «меня не любят, я никому не нужен» или «все, за что я ни берусь, разваливается». Что же делает Алексейчик? Он проводит клиента через многочисленные круги своего гениального бреда, которые меняют картину мира и самоощущение человека. Представим себе, например, следующую последовательность действий.

(1) Клиент рассказывает о своей проблеме. Он успевает выразить основную мысль, дать образ, сквозь который преломлены его переживания, но он не успевает завершить самовыражение и получить иллюзию понимания – его прерывают и (2) начинается длительное и нудное препирательство психотерапевта с наблюдателями: их заставляют встать, а они не встают, их ругают и опять заставляют встать, и они опять не встают, и это длится, и длится, и длится часами. (3) Когда клиент считает, что к его проблеме уже не вернуться, к нему обращаются и предлагают сказать нечто, в чем будет содержаться «момент истины». (4) Клиент пробует что-то сказать – его грубо обрывают и начинают «мешать с грязью», умело используя те болевые точки, которые он показал в самом начале. Продолжая размазывать личностное достоинство клиента, психотерапевт дополняет основную тему некоторыми вариациями, например (4а) предлагает клиенту еще раз попробовать сказать «настоящее». Тот покорно произносит нечто действительно важное и тем самым помогает своему мучителю распинать себя еще изощреннее. (4б) Другая вариация: психотерапевт переходит от обличения к философской проповеди и перемешивает значимые для клиента слова со словами о божьем страхе, моменте истины, любви, плате, ответственности, полете летучей мыши и т.д. Тема проповеди имеет некоторое отношение к тому, о чем говорил клиент – по крайней мере в ней часто употребляются ключевые слова. Более того, каждую отдельную фразу можно понять, но невозможно пересказать смысл всей проповеди – это поэма без начала, без конца, без определенного жанра, без видимой цели; это поэма, в которой употребляются образы, близкие к гениальным; это поэма, наполненная словами примитивными и вульгарными, выпренными и искренними. (5) Затем клиенту могут предложить что-то сделать, например его попросят испугаться. Если он скажет, что испугался, ему ответят, что он не так испугался, что надо было испугаться по-детски, а он испугался по-взрослому и т.д. (6) Клиент, наверное, ожидает, что «работа» близится к завершению, но не тут-то было – в очередной раз рассердившись, психотерапевт кричит: «Ах так! Значит теперь вы будете смотреть, как из-за вашей любви людям ломают пальцы! Вы будете смотреть, как он мучится из-за вас?!» Психотерапевт хватается за руку того, кто сидит к нему

ближе всего, и начинает выкручивать ему пальцы (больно – могу сказать по собственному опыту). (7) Затем может, например, последовать фраза: «А теперь я вам расскажу анекдот», после чего действительно будет рассказан замечательный абсурдистский анекдот, ассоциативно связанный с происходящим... (8) Тут, предположим, наступает время для похорон «нерадивого клиента» (метафорических, как вы догадываетесь) – клиента выставляют за круг и называют покойником... (9) И, наконец, следует самое замечательное во всей психотерапии: похороненный человек обретает ореол святости, начинается работа с новым клиентом и тут-то выясняется, что «покойник» говорил нечто настолько важное, был настолько близок к истине, отдал всем присутствующим столько пота и крови, что новый клиент ему и в подметки не годится. «Покойник» начинает гордиться своими страданиями, и, когда его опять допускают в круг и продолжают изредка то ошпаривать кипятком, то превозносить до небес, он смотрит на психотерапевта влюбленными преданными глазами, а его проблема...

Как вы думаете, что произошло с его проблемой? Естественно, она не могла остаться в том же виде, в котором существовала до этого сеанса. Человек, многократно оскорбленный, втоптаный в грязь, похороненный, а затем вытасненный из могилы в качестве примера для последующих поколений... человек, который услышал слово «любовь» сотни раз, причем в контексте «божьего страха», выламывания пальцев и анекдотов, не может остаться неизменным. И самое главное происходящее в нем изменение – размывание внутреннего содержательного поля, в котором существовала проблема. Слова, которые он употреблял для ее описания, например слово «любовь», абсолютно меняют свой смысл, и человек больше не может произносить их с тем же чувством, с которым он говорил еще буквально час назад. Размывается фактура полотна, содержащего до сего времени проблему.

Алексейчик погружает клиентов а реальность своего бреда, и ее принятие делает невозможными старые мысли и чувства. Эта реальность не поддается логическому осмыслению; понять, за что тебя ругают и за что хвалят, почему твоему соседу выламывают палец и в какой момент трагическая проповедь обернется фарсом, невозможно. Принятие этого мира оставляет человеку только один выход – тотальное непонимание происходящего и слепое следование за психотерапевтом. Клиент оказывается в позиции многократно побитой собаки, старательно виляющей хвостом. В мире, созданном Алексейчиком, никто, кроме него самого, не может говорить (на том языке, на котором говорит он сам) и не может мыслить – когда же после всего собаку гладят и дают ей молока, когда клиента объявляют героем, то он по-прежнему не понимает за что, но *верит*, что все сказанное – истина, поскольку побои отучили его понимать и научили верить. Образно говоря, поток Алексейчиковского бреда пронесится сквозь человека, сметая невротическую плотину на своем пути.

Происходящее на группе можно уподобить процессам, имевшим место в нашей стране в 30-40-е годы. Согласно одной из психологических спекуляций, бред преследования Сталина воплотился в масштабах империи, вернее будет сказать – Сталин воплотил свой бред, заставив всю страну жить по его законам с помощью карательного аппарата, оказавшегося в его руках. При таком сравнении оружием Алексейчика выступает его личностная сила, его энергетика, переструктурирующая жизнь группы (если не всей, то по крайней мере ее истероидной части).

Думаю, уже понятна и аналогия с дзен-буддизмом (ее автор – Сергей Аграчев). Предпосылка просветления – разрушение нормальных структур сознания; его механизм подобен механизму алексейчиковской группы. Ученика просят решить коан: что есть хлопок одной ладонью. Тщательно обдумав свой ответ, ученик приходит к мастеру и говорит... Мастер вскакивает и бьет ученика бамбуковой палкой по голове... Ученик опять думает и через неделю решается еще раз изложить свои мысли – мастер вскакивает и бьет ученика палкой по голове... В третий раз... мастер вскакивает и бьет ученика по голове... В четвертый раз... мастер рассказывает анекдот... В пятый – ученик просветляется.

Подведу итоги основным средствам алексейчиковской терапии:

1. Шизоидная речь психотерапевта, в которой слова клиента попадают в выхолощенный высокопарно-патетически-анекдотический контекст.

2. Вопросы, на которые нет ответа (по крайней мере, ответы не принимаются, а если и принимаются, то непонятно почему).

3. Задания, которые не могут быть выполнены.

4. Череда унижений и поощрений (основные унижения – в начале; основные поощрения – в конце).

5. Эмоциональная привязанность клиента к психотерапевту, можно сказать, преданность и обожание, сформированные на основе унижений и поощрений.

6. Странные действия психотерапевта: выламывание пальцев, анекдоты, фотоаппарат, который, появляется в совершенно непредсказуемый момент, и др.

Ну и, наконец, вопрос о терапевтичности всего происходящего. Однозначного мнения по этому поводу у меня нет. Несомненно, что группа Алексейчика может сломать устойчивые невротические структуры сознания. Но останется ли целой личность человека и что возникнет на месте разрушенного – ответ на эти вопросы неочевиден.

И последнее. Описанные манипуляции оказываются эффективными отнюдь не для всех. Многие участники группы остаются заинтересованными (или скупающими) наблюдателями. Попадают же в сферу влияния Алексейчика лишь люди с невротическим (прежде всего истероидным) складом личности. В связи с этим читателю стоит иметь в виду, что эти заметки написаны наблюдателем. Несомненно, что они

принципиально отличаются от того, что сказал бы о группе подлинный участник.

От редакции

С точки зрения психолога, психотерапевтическая карта СССР к середине 80-х годов хотя и не была уже сплошь белым пятном, но являла собой очень малонаселенную местность. На этой карте можно было обнаружить редкие деревеньки – психотерапевтические кабинеты при диспансерах и курортах, где монотонно, но исправно проводились сеансы аутотренинга и гипнотерапии; было на ней несколько поселков городского типа – и среди них растущая Москва – и, пожалуй, только два города: Ленинград и Вильнюс. Психотерапевтический Вильнюс был если и не столицей, то по меньшей мере законодателем мод. Ежегодные апрельские семинары собирали в Вильнюсе сотни энтузиастов всей страны, мечтавших хоть одним глазком взглянуть на психотерапевтическую фиесту. Доверчивый взгляд новичка-провинциала не замечал пота и крови организаторов, не подозревал ни о дворцовых интригах, ни о столичной табели о рангах; ему казалось очевидным: А.Е.Алексейчик – первый среди первых, король групповой психотерапии, а группа Алексейчика – апофеоз литовского семинара.

С первого дня мнения поляризовались. Алексейчиком восторгались, его ненавидели, презирали и любили. Яростно обвиняли и страстно защищали; одни были убеждены, что он шарлатан и садист, другие – что он гений и пророк. Он был главной темой кулуарных споров, вокруг него кипели страсти, ломались копья. Вопреки имени (Александр – защитник людей) он казался агрессивным нападающим, вопреки фамилии с ласковым корнем и уменьшительным суффиксом он казался каменным Командором. Периферийные и столичные (вильнюсские) мальчики и мужи порывались к нему в группу, как безрассудные витязи в замок Дракона, и не столько для того, чтобы победить, сколько с целью помериться силами и испытать свое мужество.

Мальчики повзрослели, мужи помудрели, страсти улеглись, дело идет к середине 90-х, эпоха Энтузиазма в психотерапевтической жизни уступила место эпохе Профессионализма. На смену максимализму и односторонности оценок теперь должен прийти трезвый и объемный анализ, в том числе и анализ «новой истории» отечественной психотерапии – недолгой еще истории, но важной, как всякий исток.

Публикуя статью М.В.Розина, мы рассчитываем, что она положит начало продуктивной дискуссии, и призываем коллег высказать на страницах журнала свое мнение, позицию, взгляд на психотерапевтическое творчество А.Е.Алексейчика. Редакция надеется, что и сам Александр Ефимович откликнется на эту и другие посвященные его методу публикации или выступит с оригинальной статьей.

Приглашая коллег принять участие в таком разговоре, мы хотим обратить внимание на тот факт, что о многих ключевых событиях

недавнего прошлого и настоящего нашей психотерапии можно узнать пока лишь из устного предания. Редакция призывает коллег поделиться с читателями журнала своими воспоминаниями, впечатлениями, размышлениями об этих событиях и их главных действующих лицах.